

Лепс А.,
доктор юридических наук, профессор,
член Римского Клуба,
Правовая Академия Таллиннского Университета ♦

Философия Гегеля и преступность как явление сущности

Аннотация: Современная криминология складывает преступления, совершенные на какой-то территории за определенный промежуток времени, в результате чего получает новое явление.

Изучение этого явления имеет оперативное значение для деятельности конкретных учреждений на конкретной местности на определенный срок, но далеко от научного изучения преступности.

Рассматривается понимание Гегеля о вещи применительно к преступности.

Ключевые слова: Гегель, философия, вещь, преступность, криминология, проблема.

1. Понимание Гегеля о вещи, которой является по видимости и преступность

Великий немецкий ученый Г.В.Ф. Гегель пишет: что «*сущность должна являть (себя)*» (Das Wesen muß erscheinen). Бытие есть абсолютная абстракция; эта отрицательность не есть для него внешнее, но оно есть бытие, и ничего другого, кроме бытия, только как эта абсолютная отрицательность. Из-за этой отрицательности бытие есть лишь как снимающее себя бытие и есть *сущность*. Но и наоборот, сущность как простое равенство с собой есть также *бытие*. Учение о бытии содержит первое положение: *бытие есть сущность*. Второе положение:

♦ Лепс Андо – доктор юридических наук, профессор,
член Римского Клуба, Правовая Академия Таллиннского
Университета (Эстония)

сущность есть бытие – составляет содержание первого раздела учения о сущности. Но это бытие, которым делается сущность, есть *существенное бытие, существование*, выхождение (Herausgegangensein) из отрицательности и из внутреннего.»¹

По Гегелю, на уровне бытия всё конкретно, и на уровне сущности – относительно или вероятно. Это важный факт! В отличие от Гегеля мы изучаем здесь не явление сущности вообще, а определенное явление сущности, которым является преступность, где абсолютной абстракцией является преступление. Следовательно, преступление, как одно из основополагающих понятий правовой науки, особенно уголовного права, вопреки распространённому мнению, в действительности совершенно абстрактное явление.²

Далее Гегель пишет: «Это» (das Diese) (по нашему мнению преступность, как сумма разных преступлений, которая и есть внешняя определенность преступности.-А.Л.) составляет, следовательно, полную определенность вещи в том смысле, что эта определенность есть в то же время внешняя определенность. Вещь (преступность.-А.Л.) состоит из самостоятельных материй (т.е. преступлений.-А.Л.), безразличных к их соотношению в вещи. Вот почему это соотношение есть лишь несущественное сочетание их, и ... есть лишь бессильное «это». Вот почему, сочетаясь в вещи (т.е. разные преступления.-А.Л.), они не снимают себя; как самостоятельные они непроницаемы друг для друга, в своей определенности соотносятся лишь с собой и суть взаимно безразличное многообразие устойчивости; они способны иметь лишь некоторую количественную границу. – Вещь как *эта* вещь (т.е. преступность.-А.Л.) есть это их чисто количественное соотношение (т.е. разных преступлений.-А.Л.), есть простое скопление, их «также». Она *состоит* из того или иного определенного количества одного вещества (т.е. разных преступлений или отдельных видов

¹ Гегель. Наука Логики. – СПб, 2002. – с. 435.

² Лепс А. Кризис юридической науки, в том числе криминологии. // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – Журнал Санкт-Петербургского международного криминологического клуба № 1 (20), 2011. Санкт-Петербург, 2011. – с. 34.

преступлений.-А.Л.), состоит *также* из определенного количества другого вещества, а *также* из других; вещь составляет только эту связь, состоящую в отсутствии всякой связи.»³

Понимание нами вещи как преступности, очень тонко. У Гегеля всё является «вещами», часто, вероятно, и человек.⁴ Преступность как вещь, состоит из разных преступлений, которые имеют только какое-то количественное соотношение между разными преступлениями или их группами или «их простое скопление», или их «также»». Равным образом мы можем и сказать, что преступность как сумма разных преступлений, не имеет никакой связи между разными преступлениями.

На этом уровне знания, мы можем определить только внешнее или абстрактное понятие преступности. К сожалению правовая наука сегодня внутреннюю или неформальную определенность преступности до сих пор не знает.

«*Эта* вещь (преступность.-А.Л.), взятая так», замечает Гегель, «как она определилась, [т. е.] как чисто количественная связь свободных веществ (преступлений.-А.Л.), совершенно изменчива. Ее изменение состоит в том, что одна или несколько материй (преступлений.-А.Л.) выделяются из этого скопления или присоединяются к этому «также», или же в том, что их количественное соотношение изменяется. Возникновение и прехождение *этой* вещи есть внешнее растворение (как определенная связь между разными преступлениями.-А.Л.) такой внешней связанности или связанность того, чему безразлично быть или не быть связанным. Ничем не удерживаемые, вещества (т.е. преступления.-А.Л.) выходят из *этой* вещи или входят в нее; сама она – абсолютная пористость (по нашему мнению, здесь надо иметь ввиду, что понятие пористость или пористость материи, значит противоположность разных видов преступлений) без собственной меры или формы.»⁵

³ Гегель. Наука Логики. – с. 448.

⁴ Лепс А. Ук., статья. – с. 30.

⁵ Там же. – с. 448-449.

Что преступность не имеет собственной меры и формы - это очень важный факт.

2. Объяснение Гегеля к предыдущему внешнему понятию преступности

В Примечании [Пористость материи] Гегель пишет, что «одно из самых обычных определений [вещи], даваемых представлением, – это то, что *вещь состоит из многих самостоятельных материй* (т.е. преступность состоит из многих самостоятельных преступлений.-А.Л.). С одной стороны, вещь рассматривается так, что она обладает *свойствами* (т.е. преступлениями.-А.Л.), *устойчивое* наличие которых и есть *вещь*. Но с другой – эти разные определения понимаются как материи (т.е. как преступления.-А.Л.), устойчивость которых не есть вещь, а наоборот, *вещь состоит* (besteht) из них; сама вещь – это лишь их внешнее сочетание и количественная граница. И свойства, и материи – это *одни и те же определения содержания*, разница лишь в том, что там они моменты, рефлексированные в свое отрицательное единство как в отличную от них самих основу, в *вещность*, а здесь они самостоятельные разные [материи], каждая из которых рефлексирована в свое единство с собой. Эти материи (т.е. преступления.-А.Л.), далее, определяют себя как самостоятельную устойчивость; но они также находятся вместе в одной вещи (т.е. преступности.-А.Л.). Эта вещь имеет два определения: она, во-первых, *эта* и, во-вторых, «*также*» (Auch). «Также» - это то, что во внешнем созерцании выступает как *пространственная протяженность*; а «это», отрицательное единство, есть *точечность* вещи. Материи находятся вместе в точечности, и их «также» или протяженность есть повсюду эта точечность, ибо «также» как вещь по существу своему равным образом определено как отрицательное единство. Поэтому, где имеется одна из этих материй, там *в той же самой точке* имеется и другая; неверно, будто вещь имеет в одном месте свой цвет, в другом – свое вещество пахучести, а в третьем – свой теплород и т. д. (сказанное Гегелем значит, что неверно, будто преступность имеет в одном месте, например только кражи, в другом умышленные убийства, а в третьем – мошенничества и т.д. – А.Л.); дело обстоит так, что в той же точке, в

которой вещь тепла, она также имеет цвет, кисла, электризована и т. п. А так как эти вещества находятся не вне друг друга, а в одном и том же «этом», то их принимают за *пористые* таким образом, что одна материя существует в промежутках другой. Но материя, находящаяся в промежутках другой, сама также пориста; поэтому, наоборот, в ее порах существует другая материя, однако не только эта другая, но и третья, десятая и т. д. Все материи пористы, и в промежутках каждой из них находятся все другие, равно как и сама она вместе с остальными материями находится в этих порах каждой из них. Поэтому они составляют некоторое множество, проникающее друг друга таким образом, что проникающие в свою очередь проникаются другими, стало быть, каждая материя снова проникает свою собственную проникнутость. Каждая материя положена как свое отрицание, и это отрицание есть устойчивость другой, но эта устойчивость точно так же есть отрицание этой другой и устойчивость первой.»⁶

Этот довольно длинный и не лёгкий философский текст Гегеля показывает, каким сложным является эта проблема, которую учёные-криминологи обычно не рассматривают или не хотят рассматривать. Мы поместили этот текст в эту статью потому, чтобы читатель может убедиться, каким образом можно исследовать эту очень важную и сложную проблему, связанную с проблематикой преступности как явления сущности.

Однако Гегель в дальнейшем сам даёт более удобное объяснение вышеизложенному. Как известно, во время Гегеля очень часто повторяли один и тот текст, иногда с незначительными изменениями. Однако повторение, как говорят, есть мать знаний!

«При ближайшем рассмотрении оказывается», отмечает Гегель, «что *целое* (преступность.-А.Л.) – это рефлексированное единство, которое само по себе обладает самостоятельным устойчивым наличием; но это его устойчивое наличие точно так же и оттолкнуто от него; как отрицательное единство целое есть отрицательное соотношение с самим собой; как такое оно стало внешним себе;

⁶ Там же. – с. 450-451.

оно имеет свое *устойчивое наличие* в противоположном себе, в многообразной непосредственности, в *частях* (т.е. разные преступления.-А.Л.). *Целое состоит* (besteht) *поэтому из частей*, так что без них оно не есть нечто. Следовательно, целое – это все отношение и самостоятельная тотальность; но как раз по этой причине оно лишь нечто относительное, ибо то, что делает его тотальность есть, наоборот, его *иное* – части, и свое устойчивое наличие целое имеет не в самом себе, а в своем ином. Части (разные преступления.-А.Л.) также составляют все отношение. Они непосредственная самостоятельность в *противоположность* рефлексированной и не пребывают (bestehen) в целом, а суть сами по себе. Они, далее, имеют в самих себе это целое как свой момент; оно составляет их соотношение; без целого нет частей. Но так как они суть то, что самостоятельно, то это соотношение лишь внешний момент, к которому они в себе и для себя безразличны. Однако в то же время части как многообразное существование совпадают друг с другом, ибо это многообразное существование есть бытие, лишенное рефлексии; они имеют свою самостоятельность лишь в рефлексированном единстве, которое есть и это единство, и существующее многообразии; это означает, что они имеют самостоятельность лишь в *целом*, которое, однако, есть в то же время *другая* для частей самостоятельность. Поэтому целое (преступность.-А.Л.) и части (разные преступления.-А.Л.) *обуславливают* друг друга ... Поскольку же каждая из сторон отношения имеет свою самостоятельность не в самой себе, а в своей другой, налицо лишь одно тождество обеих, в котором обе суть лишь моменты; поскольку же каждая из них самостоятельна в самой себе, они два самостоятельных существования, безразличных друг другу. С первой точки зрения – с точки зрения существенного тождества этих сторон – *целое равно частям и части равны целому*. Нет ничего в целом, чего нет в частях, и нет ничего в частях, чего нет в целом. Целое – это не абстрактное единство, а единство *разного многообразия*; но как то, в чем [моменты] *многообразного* соотносятся друг с другом, это единство есть *определенность* этого многообразия, благодаря которой оно часть. Следовательно,

отношение имеет одно неразделенное тождество и лишь одну самостоятельность. Но кроме того, целое равно частям; однако равно оно *им* не как частям; целое – это рефлексированное единство, части же составляют определенный момент или *инобытие* единства и суть разное многообразное. Целое (преступность.-А.Л.) равно им не как этому самостоятельному разному, а как им всем *вместе*. Это их «вместе» есть, однако, не что иное, как их единство, целое, как таковое. Следовательно, целое (преступность.-А.Л.) равно в частях (т.е. разные преступления.-А.Л.) лишь самому себе, и равенство его и частей выражает лишь тавтологию: *целое как целое равно* не частям, а *целому*. И наоборот, части равны целому; но так как они суть момент инобытия в самих себе, то они равны целому не как единству, а так, что *одно* из них его многообразных определений приходится на часть, иначе говоря, они равны *ему* как *многообразному*; это означает, что они равны ему как *разделенному целому*, т. е. *как частям*. Здесь, стало быть, имеется та же тавтология: *части как части* равны не целому, как таковому, а *самим себе* в этом целом, *частям*. Целое и части, таким образом, безразлично отделяются друг от друга (*fallen auseinander*); каждая из этих сторон соотносится лишь с собой. Но удерживаемые таким образом вне друг друга, они разрешают сами себя. Целое (преступность.-А.Л.), безразличное к частям (т.е. к разным преступлениям.-А.Л.), это – *абстрактное*, неразличное внутри себя *тождество*; такое тождество есть целое лишь как *различное внутри самого себя*, и притом различное внутри себя так, что эти многообразные определения рефлексированы в себя и непосредственно самостоятельны. А тождество рефлексии обнаружило себя через свое движение как таковое тождество, которое имеет своей истиной эту *рефлексию в свое иное*. – Равным образом и части как безразличные к единству целого – это лишь несоотнесенное многообразное, *иное внутри себя*, которое, как таковое, есть иное самого себя и лишь то, что снимает себя. – Это соотношение-с-собой каждой из обеих сторон есть ее самостоятельность; но эта ее самостоятельность, которую каждая имеет *porozнь*, есть скорее отрицание ее самой. Поэтому каждая сторона самостоятельна не в

самой себе, а в другой; эта другая сторона, составляющая устойчивость, есть ее предположенная непосредственность, которая *должна* быть первым и ее началом; но это первое каждой из сторон само есть лишь нечто такое, что не есть первое, а имеет свое начало в ином.»⁷

Из вышесказанного можно сделать только один вывод, что определение преступности обычно в криминологической литературе является довольно простым вопросом, однако в действительности оно является довольно сложным вопросом, что в свою очередь значит, что в науке, в том числе и криминологии, простых проблем не существует.

В этом контексте надо обязательно сказать, что «преступление (и преступность) существует объективно – до, вне и независимо», пишет Л.И. Спиридонов, «от какой бы то ни было оценки законодателя ... и законодатель только должен открыть и сформулировать его в виде юридического закона.»⁸

3. Краткое резюме

«Отношение целого (преступность.-А.Л.) и частей (разные преступления.-А.Л.) не *истинно* поскольку, отмечает Гегель, постольку его понятие и реальность не соответствуют друг другу.»⁹ И он продолжает: « ... это отношение есть мертвый, механический агрегат, который хотя имеет определения формы (т.е. преступности.-А.Л.), благодаря чему многообразие его самостоятельной материи (т.е. разные преступления.-А.Л.), соотносится [с собой] в единстве однако это единство остается внешним для многообразия.»¹⁰ Крупный исследователь философии Гегеля, немецкий ученый Куно Фишер по этой проблеме пишет следующее: «Целое (преступность.-А.Л.) есть самостоятельное, а части (разные преступления.-А.Л.) суть лишь моменты этого единства; однако в такой же мере и они обладают самостоятельностью, а их рефлексивное единство есть лишь момент».¹¹

⁷ Там же. с. – 468 -470.

⁸ Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. – Москва, 1986. – с. 103.

⁹ Гегель. Энциклопедия философских наук. Часть первая. Логика. – Москва-Ленинград, 1930. – с. 227.

¹⁰ Гегель. Наука Логики. – с.472.

¹¹ Фишер К. Гегель, его жизнь, сочинения и учение. – Москва-Ленинград, 1933. – с. 390.

Современная криминология сегодня складывает вместе преступления, совершенные на какой-то территории за определенный промежуток времени, в результате чего и получает совершенно новое явление – преступность, как явление сущности, которая рассматривается динамически, изучается её структура, сравнивается с количеством населения и т.д. Конечно, у таких «справок» есть определенное оперативное значение в повседневной работе учреждений, относящихся к правоохранительным органам. Но таким «справкам» часто пытаются дать научную ценность, хотя дело далеко от науки. На такой «научной» основе во всём мире пишется бесконечное число «специальных» докладов и книг.¹²

Библиография

1. Гегель. Наука Логики. – СПб, 2002.
2. Гегель. Энциклопедия философских наук. Часть первая. Логика. – Москва-Ленинград, 1930.
3. Лепс А. Кризис юридической науки, в том числе криминологии. // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – Журнал Санкт-Петербургского международного криминологического клуба № 1 (20), 2011. Санкт-Петербург, 2011.
4. Лепс А. Кризис юридической науки, в том числе и криминологии (научный взгляд на возможность исследования преступности) // Российский криминологический взгляд №3 2010. Краснодар, 2010.
5. Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. – Москва, 1986.
6. Фишер К. Гегель, его жизнь, сочинения и учение. – Москва-Ленинград, 1933.

¹² Лепс А. Кризис юридической науки, в том числе и криминологии (научный взгляд на возможность исследования преступности) // Российский криминологический взгляд №3 2010. Краснодар, 2010. – с. 234.